

УДК 81'367.624

Н. Н. Кузнецова

Наречие как средство создания экспрессивности поэтического текста

Статья продолжает исследование средств создания экспрессивности поэтического текста, основная часть которого представлена в докторской диссертации автора. Отмечается такое свойство наречия, как стремление к взаимодействию со средствами всех уровней языка, что значительно усиливает его экспрессивный заряд.

Ключевые слова: наречие, средство, создание и усиление экспрессивности, взаимодействие языковых уровней.

Наречие, безусловно, не раз становилось объектом внимания различных лингвистических исследований. Однако по сравнению с другими частями речи изучалось меньше. Авторы имеющихся работ рассматривали в основном такие вопросы, как семантика отдельных наречий и их групп, словообразовательный потенциал наречия, омонимия наречий с другими частями речи, синтаксические позиции наречия, сопоставление с наречиями других языков и некоторые другие. Выразительные же возможности наречия или аспекты, в какой-то мере приближенные к этой проблеме, рассматривались еще реже. Так, из исследований последних лет можно назвать работы Т. П. Набатчиковой (наречия в фольклоре) [18, 19], Ф. И. Панкова (о функционировании наречий) [21], В. В. Корневой (наречия в испанской пространственной картине мира) [7] и Т. П. Ившиной (эстетические возможности наречий) [6].

Автором данной статьи неоднократно рассматривались вопросы, связанные с категорией экспрессивности вообще и реализацией выразительного потенциала различных частей речи в частности [8—15]. Однако наречие как выразительное средство пока не было предметом нашего изучения.

Огромный арсенал русских наречий настолько разнообразен по значению и эмоционально-экспрессивной окраске, что поэту часто достаточно лишь сделать правильный выбор, чтобы найти нужное для выражения своих мыслей и чувств, например: *Бродят понуро Фавны и нимфы В чаще лесной. Царство амура Скрыли заимфы Осени злой* [5]; *В котором, пропотев листвой От взятых только что препятствий, На побежденной мостовой Устало тополя толятся* [22, с. 345]; *Я, наверно, неправ, я ошибся, Я ослеп, я лишился ума. Белой женщиной мертвой из гипса Наземь падает навзничь зима* [22, с. 473].

При помощи таких выразительнейших наречий автор может передать и смысловое, и эмоциональное содержание, причем эмоции могут быть как положительные, так и отрицательные: *Пахнет водю на острове Возле одной из церквей. Там не признал этой росрани Юный один соловей. Слушаю в зарослях, зарослях, Не забывив ничего, Как удивительно в паузах Воздух поет за него. Как он ликует божественно Там, где у розовых верб Тень твоя, милая женщина, Нежно идет на ущерб* [23]; *Зима идет своим порядком — Опять снежок. Еще должок. И гадко в этом мире гадком Жевать вчерашний пирожок* [5].

В связи с этим первый способ, который используется для создания экспрессивности поэтического текста при помощи наречий, это **выбор**.

При этом поэт для воплощения своего замысла может использовать и узуальные наречия, и создавать новые, **окаzionaliальные** (их много, например, у Б. Пастернака),

© Кузнецова Н. Н., 2012

которые, несомненно, обладают способностью усиливать экспрессивность поэтического текста: *Мне страшно этого субъекта, Но одному ему **вдогад**, Зачем, ненареченный некто, — Я где-то взял им напрокат* [22, с. 12]; *Он солнцем давится **взаглот** И тащит эту ношу по мху. Он шлепает ее об лед И рвет, как розовую семгу* [22, с. 29] и др.

Кроме того, могут использоваться не только одиночные наречия, но и **цепочки наречий**. В подобных случаях не только максимально уточняются различные стороны изображаемого (например: *Из омута злого и вязкого Я вырос, тростинкой шуриша, **И страстно, и томно, и ласково** Запретною жизнью дыша* [17, с. 50]), но и значительно усиливается сила воздействия эмоционального заряда текста: ***Все чаще, все короче, все звучней** Бьет снизу, бьет и хлещет этот сжатый Кулак в перчатке сально-желтоватой, Под сердце и по челюсти твоей* [20, с. 364].

Среди наречий, как известно, очень много устаревших слов и словоформ, которые в силу своей архаичности часто обладают связанной сочетаемостью. В связи с этим действенным приемом усиления экспрессивности, который часто используется в лирике, является **нарушение сочетаемости наречия** (что особенно характерно для Б. Пастернака), например: *Он шел породой, бьющей **настежь** Из преисподней на простор, А эхо, как шоссейный мастер, Сгребало в пропасть этот сор* [22, с. 323]; *С широкого шоссе Идем во тьму лесную. По щиколку в росе **Плутаем врассыпную*** [22, с. 448].

Немаловажным является тот факт, что наречия являются экспрессивным средством, которое задействует связи различных уровней языка: лексического, семантического, фразеологического, словообразовательного, морфологического, синтаксического, стилистического. Поэтому существует еще целый ряд способов использования наречий в поэтическом тексте с целью создания и усиления его экспрессивности.

К ним в первую очередь можно отнести **использование коннотативных элементов семантической структуры слова**:

а) **оценочности**: *И блестящие клавиши пели **ярко**, И на солнце глубокий вспыхивал пол, И в окне, на еловой опушке парка, Серебрился березовый ствол* [20, с. 192]; *И снова тишь... **Печально и жестоко** Безмолвствует холодная заря. И в воздухе разносится широко Мертвящее дыханье октября* [5];

б) **эмоциональности** — русские наречия могут выразить практически весь спектр эмоций: *Но только двинусь я,— глядь,— все рассеялось, и комната моя мгновенно приняла свой вид обыкновенный. В окне дрожит луна **невинно и смиренно**, халат — на вешалке, повсюду тишина... Ах, знаю я тебя, обманщица луна!* [20, с. 44]; *Мерцающая так же **холодно и скупно**, луна взамен не обещающая ничего, влечет меня далекое искусство и требует согласия моего* [1]; *Живут стихи, которые напевно Звучат лишь одному наедине, О самом сокровенном **задушевно** Беседуя в рассветной тишине* [4]; ***Хмуро** тянется день непогожий. **Безутешно** струятся ручьи По крыльцу перед дверью прихожей И в открытые окна мои* [22, с. 369]; *И улица **запанибрата** С оконницей подслеповатой, И белой ночи и закату Не разминутся у реки* [22, с. 431];

в) **интенсивности** — наречие обладает практически неограниченными возможностями для выражения этого семантического признака, который хотя и не является обязательным в семантической структуре экспрессивов, но всегда способствует возникновению выразительности. Так, интенсивность у наречий может выражаться:

- самим значением слова (*Осень. Оголенность тополей раздвигает коридор аллея В нашем не-имении. Ставни бьются Друг о друга. Туч **невпроворот**, Солнце забуксует. У ворот Лужа, как расколотое блюдо* [2, II, с. 157]; *О, маятник душ строг, Качается глух, прям, И **страстно** стучит рок В запретную дверь к нам...* [17, с. 70]);

- повтором основы (*Тому грядущему, быть ему Или не быть ему? Но медных макбетовых ведьм в дыму — Видимо-невидимо* [22, с. 18]);
- сравнительной степенью (*Еще пышней и бесшабашней Шумите, осыпайтесь, листья, И чашу горечи вчерашней Сегодняшней тоской превысьте* [22, с. 414]);
- при помощи указательного наречия *так* (*Так щедро август звезды расточал. Он так бездумно приступал к владенью, И обращались лица ростовчан И всех южан — навстречу их паденью* [1]);
- при помощи частицы *все* (*Пускай все горестней и глуше Уходит мир в стальные сны... Мы здесь одни, и наши души Одной весной убелены* [20, с. 195]) и многими другими средствами;

г) **ассоциативности**: *Как допетровское ядро, Он лугом пустится вприпрыжку И раскидает груды дров Слетевшей на сторону крышкой* [22, с. 180]; *Весенний лепет не разнежит Сурово стиснутых стихов. Я полюбил железный скрежет Какофонических миров* [25, с. 79]. В данных метафорах присутствуют слова, обладающие связанной сочетаемостью и поэтому вызывающие более узкий круг ассоциаций (по сравнению со словами со свободной сочетаемостью). В частности, *вприпрыжку* скакать, бежать может, скорее, *ребенок*; *сурово* стиснуть можно *зубы*. Когда в поэтическом контексте в результате нарушения сочетаемости подобные слова попадают в совершенно другое окружение, круг вызываемых ассоциаций значительно расширяется, поскольку происходит наложение этих первичных ассоциаций на новые, связанные с образом. И вот в наши представления о том, как ребенок скачет вприпрыжку, когда, по сути, задействованы зрительные и осязательные динамические ощущения, влетает гром, и тогда подключается зрительное восприятие. А стертая (обладающая воспроизводимостью в художественных текстах) метафора *сурово стиснуть зубы*, вызывающая представления об определенном (напряженном) эмоциональном состоянии, «оживляется» благодаря замене на слово *стихи*, и тогда возникает новое направление ассоциаций: подобное состояние вызвано процессом их создания, отношением к своему поэтическому труду, манерой писать и бескомпромиссно выражать свои мысли;

д) **фоновых знаний**: *А третий с беконом подобием мата ревел, как Бетховен, земно и лохмато!* [3]; *Влобоборота, о печаль, На равнодушных поглядела. Спадая с плеч, окаменела Ложноклассическая шаль* (об А. Ахматовой) [17, с. 127];

е) **стилистической окрашенности**: *Но ты... ты ведь любишь властительно-душно, потребуешь жертв от него, а он лишь вздохнет, отойдет равнодушно — и больше не даст — ничего...* [20, с. 51] (книжное слово); *А иногда! — А иногда, Как пригнанный канатом накороть Корабль, с гуденьем, прочь к грядам Срывающийся чудом с якоря* [22, с. 128] (разговорное слово).

Кроме того, значительным экспрессивным зарядом обладает такой прием использования наречий в поэтическом тексте, как **создание синонимических рядов**: *Ветер треплет ненастья наряд и вуаль. Даль скользит со словами: навряд и едва ль — От распросов кустов, полустанков и птах, И лопат, и крестьянок в лаптях на путях* [22, с. 182]; *Насторожившись, начеку У входа в чашу, Щебечет птичка на суку Легко, маняще* [22, с. 483]. Синонимы обладают способностью усиливать экспрессивность либо благодаря усилению, которое характерно для любого повтора (в том числе и смыслового, которым они, по сути, являются), либо благодаря многообразию смыслов и эмоций (а значит, многообразию ассоциаций), которое они способны выражать. И то, и другое в равной мере продуктивно для создания ярких, выразительнейших образов.

Способствует усилению выразительности и использование наречий и наречных значений в **трансформированных фразеологических оборотах**: *В этой зловещей сладкой*

тайге Люди и вещи на равной ноге. Этого бора вкусный цукат К шапок разбору рвут нарасхват. Душно от лакомств. Елка в поту Клеем и лаком пьет темноту [22, с. 379]; *Ты спал, прижав к подушке щеку, Спал, — со всех ног, со всех лодыг Врезаясь вновь и вновь с наскоку В разряд преданий молодых* [22, с. 333]. В первом случае наблюдается трансформированный фразеологизм (с наречным значением) «к шапочному разбору» («к самому концу чего-либо (приходить, являться и т.п.)») [24, с. 377]. В данном случае не претерпела значимых изменений ни форма фразеологизма (произошла всего лишь замена прилагательного на существительное в словосочетании, указывающем на принадлежность), ни его значение. Однако несмотря на это, его нестандартная форма и необычное окружение, безусловно, обеспечивают ему больше внимания и в большей степени активизируют восприятие читателя. Во втором контексте присутствует трансформированный фразеологизм (также с адвербиальным значением) «со всех ног» («очень быстро, стремительно (бросаться, кидаться, бежать и т.п.)») [24, с. 281]. В данном случае, наоборот, и его форма, и его смысл существенно изменяются. С точки зрения формы происходит как бы его «удвоение», причем в дублирующем элементе присутствует окказиональное слово — *лодыг*. И повтор (как способ создания усиления), и необычность, новизна слова являются факторами, развивающими экспрессивный потенциал средств языка и речи. С точки зрения содержания наблюдается следующее: архисема «очень» сохраняется, а дифференциальная сема «быстро» заменяется семой, совершенно с ней не связанной, — «крепко». Интересно, что фразеологизм для наименования подобного признака действия существует (причем с тем же опорным словом — *нога*) — «без задних ног». Однако в высшей степени нестандартное видение мира и способность назвать предметы, их действия и признаки совершенно неожиданно, свежо и поэтически выразительно (что характерно для Б. Пастернака) позволяет поэту расширять не только свои, но и читательские представления о них (предметах).

Существенно усиливает экспрессивность наречий **развитие у них морфологических признаков** в контексте, чему способствует, например:

- **употребление наречия с числительным:** *Не ладили две равных темноты: рояль и ты — два совершенных круга, в тоске взаимной глухонемоты терпя иноязычие друг друга. Два мрачных исподлобья сведены в неразрешимой и враждебной встрече: рояль и ты — две сильных тишины, два слабых горла музыки и речи* [1];

- **употребление с предлогами:** *Любите при свечах, танцуйте до гудка, живите — при сейчас, любите — при когда? Ребята — при часах, девчата при серьгах, живите — при сейчас, любите — при Всегда* [3].

Безусловно, значительно усиливает экспрессивный потенциал наречий их **участие в стилистических фигурах**, построенных на **повторе** и контрасте (**антитезе и оксюморо-не**) — они, как известно, по законам восприятия в первую очередь привлекают внимание читателя):

- *И будет долго, долго слышен Во мгле последний - скорбный плач. Я жду, я жду. Ко мне во мраке Идёт невидимый палач* [25, с. 134]; *Воздух седенькими складками падает. Снег припоминает мельком, мельком: Спатки — называлось, шепотом и патокою День позападал за колыбельку* [22, с. 144].

- *Ломбардный хлам смотрел еще серее, Последних молний вздрагивала гроздь, И оба уносились в эмпиреи, Взаимоокрылившись, то есть врозь* [22, с. 301]; *И по-звериному воеет людье, И по-людски куролесит зверье. Чудный чиновник без подорожной, Командированный к тачке острожной, Он Черномора пригубил питье В кислой корчме на пути к Эрзеруму* [17, с. 257].

В качестве факторов, влияющих на усиление экспрессивности наречий, также можно отметить их участие в создании такого интересного, выразительного, всегда привлекающего внимание читателя тропа, как **перифраз**: *Мне твоего не выразить подобья Ни в музыке, ни в камне... Исподлобья Глядят в мой сон два горестных луча* (о глазах и чувствах, которые они могут выразить) [20, с. 332].

Существенно усиливается экспрессивный заряд наречий и при их участии в **интертекстуальных** структурах: *Простор морозный, и первый снег, И в сердце радость нежданная нег. Проснись скорее, довольно спать: Зима и солнце пришли опять* (у А. С. Пушкина: «Мороз и солнце; день чудесный!») [5]. Подобные контексты отличаются значительной смысловой и эмоциональной информативной насыщенностью, поскольку в них происходит наложение семантики и экспрессивности текста-донора на авторский текст. В данном случае задействованы известные с детства каждому русскому человеку пушкинские строки, которые у каждого русского человека неразрывно связаны с ощущением гармонии. Добавление наречия *опять* (которое мы видим в приведенном отрывке из произведения Г. Иванова) многократно насыщает, обогащает эмоциональность текста радостной надеждой на будущее. Для современного же читателя эти стихи окрашиваются пронзительной грустью, поскольку восторженные чаяния молодого поэта (в 1916 году, когда написано стихотворение, ему было 22 года) всего лишь через год обратятся в прах, жизнь никогда больше не предоставит ему возможности быть столь безмятежно счастливым, а в его душе и стихах займут место совсем иные эмоции и чувства.

Экспрессивный потенциал наречий, как и других частей речи, увеличивается в тех случаях, когда с их помощью создаются поэтические образы, которые являются отражением **ведущей тенденции** поэтического языка XX века в целом — **к неопределенности**: *Ведь где-то есть простая жизнь и свет, Прозрачный, теплый и веселый... Там с девушкой через забор сосед Под вечер говорит, и слышат только пчелы Нежнейшую из всех бесед* [25, с. 56]; *А что такое вдохновенье? — Так... Неожиданно, слегка (Так, будто вскользь, едва, слегка) Сияющее дуновенье Божественного ветерка* [5]. Неопределенность в лирике XX (а теперь уже и XXI) века явилась следствием расширения представлений человека о мире (в связи с развитием науки и техники). Она позволяет автору говорить о тех вещах, которые, может быть, ему не совсем понятны или которые он не хотел бы называть напрямую. В языке она проявляется в усложнении и практически безграничном расширении семантики слова в поэтическом тексте, ее диффузности и вместе с тем многогранности. Все эти качества присущи в первую очередь именно выразительным средствам. Поэтому действие данной тенденции и его последствия оказали значительное влияние на их развитие в этот период.

И наконец, наречия несомненно становятся «агентами экспрессии» в том случае, если выражают **значимые в языковой картине мира того или иного поэта смыслы**:

- например, для лирики В. Набокова в целом характерно употребление слов с семей 'блеск, сияние' [11, с. 63—65]. В актуализации данных смыслов немаловажную роль играют и наречия: *Не спрашивай меня, куда звезда скатилась. О, я тебя молю, безмолвствуй, не дыши! Я чувствую — она лучисто раздробилась на глубине моей души* [19, с. 36]; *Но ослепительно метнулась ликующая синева, доска стремительно качнулась, и снизу хлынула листва* [20, с. 54];

- для многих произведений Г. Иванова, написанных в эмиграции, характерны чувства горечи и безысходности, которые были хорошо знакомы всем русским эмигрантам, вынужденным покинуть Россию после 1917 года и всю жизнь провести вдали от Родины. У Г. Иванова эти чувства нередко переходят в сарказм и иронию: *Встают — встаю.*

Садятся — сяду. Стозначный помню номер свой. Лояльно благодарен Аду За звездный кров над головой [5].

Список использованной литературы

1. Ахмадулина Б. URL: http://book-read.ru/libbook_93345.html.
2. Бродский И. Сочинения : в 4 т. М., 1994.
3. Вознесенский А. URL: <http://rupoem.ru/voznensenskij/all.aspx>.
4. Зенкевич М. URL: <http://er3ed.qrz.ru/zenkewich.htm>.
5. Иванов Г. В. URL: http://lib.ru/RUSSLIT/IWANOWG/stihi.txt_with-big-pictures.html
6. Ившина Т. П. Реализация эстетических возможностей наречия в художественном тексте : дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002.
7. Корнева В. В. Локальные наречия и пространственная картина мира // Материалы XXXIII Международной филологической конференции. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. Вып. 8. Секция грамматики: (Романо-герм. цикл), ч. 1. С. 49—58.
8. Кузнецова Н. Н. Выразительные возможности глагольных форм // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2009. Т. 11, № 4 (30) (3). С. 756—763.
9. Кузнецова Н. Н. Грамматические средства создания экспрессивности. Оренбург : Копицентр, 2010.
10. Кузнецова Н. Н. Категория экспрессивности и связанные с нею понятия // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. Оренбург, 2007. № 4(50). С. 63—74.
11. Кузнецова Н. Н. Лексические средства создания экспрессивности. Оренбург : Агентство «Пресса», 2009.
12. Кузнецова, Н. Н. О некоторых средствах усиления выразительности текста // Текст. Структура и семантика. М. : СпортАкадемПресс, 2004. Т. 2. С. 183—185.
13. Кузнецова Н. Н. Относительные имена прилагательные как средство создания экспрессивности // Текст. Структура и семантика : докл. XII междунар. конф. М. : ТВТ Дивизион, 2009. Т. 2. С. 139—143.
14. Кузнецова Н. Н. Распространение генитивной метафоры как способ создания усиления экспрессивности // Рус. яз. в шк. 2009. № 10. С. 55—59.
15. Кузнецова Н. Н. Свойства экспрессивного слова // Язык и культура : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею проф. Л. В. Савельевой. Петрозаводск : Изд-во КГПУ, 2007. С. 193—196.
16. Кузнецова Н. Н. Средства выражения неопределенности в поэтических текстах XX века // Materiáiy VIII vědecko-praktická conference «Věda a vznik — 2011/2012». Díl 22. Filologické vědy. Hudba a život: Praha. С. 63—66.
17. Мандельштам О. Э. Избранное. Смоленск, 2002.
18. Набатчикова Т. П. Вариативность частотных наречий в былинном тексте (На материале «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга) // Научный поиск: Исследования молодых ученых. Курск : Изд-во Курск, гос. пед. ун-та, 1995. С. 69—73.
19. Набатчикова Т. П. Наречия в былинном тексте (статья) // Русский язык конца XX века. Воронеж : ИПЦ, 1998.
20. Набоков В. В. Стихотворения и поэмы. М., 1991.
21. Панков Ф. И. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия: на материале категории адвербиальной темпоральности. М.: МАКС Пресс, 2008.
22. Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М., 1990.
23. Соколов В. Н. URL: http://rulitbox.ru/sokolov_1.html.
24. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М., 1978.
25. Ходасевич В. Ф. Собрание стихов. М., 1992.

Поступила в редакцию 01.11.2012 г.

Наталья Николаевна Кузнецова, доктор филологических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
460844, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19
E-mail: Natlog65@mail.ru

N. N. Kuznetsova

Adverb as a means to create expressivity in poetic text

The article continues the study of expressive means in a poetic text, the main part of which is presented in the doctorate thesis. The author underlines such a trait of an adverb as aspiration to interact with means of all levels of language that considerably strengthens its expressive charge.

Key words: adverb, means, creation and strengthening of expressivity, interaction of language levels.

Natalia Nikolaevna Kuznetsova, Doctor of Philology, associate professor
Orenburg State Pedagogical University
460844, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya 19
E-mail: Natlog65@mail.ru